

Построить Россию.

В конце века обостряются дискуссии. Нерешенные проблемы нависают лавинами и требуют, чтобы их решили. Тут есть какая-то магия цифр, феномен массовой психологии. Так было в конце пятнадцатого – в 1492-м году (по старорусскому исчислению – 7000 от сотворения века). Ждали конца света. В Италии Савонаролла, в России Схария... Конец шестнадцатого. 1598 – Борис Годунов восходит на российский трон. Самозванцы. Смутное время. Конец семнадцатого – стрельецкие бунты. Софья. В 1694-м – начало правления Петра. 1698 – Стрелецкий бунт, захлебнувшийся в крови.

Конец восемнадцатого – конец блистательного времени Екатерины III! 1794 – смерть императрицы. На переломе веков – недолгое и невнятное царствование Павла I, прерванное шелковым шарфом и увесистой табакеркой. Начало девятнадцатого. Указ о Вольных хлебопашцах 1803 года и первый университетский устав 1804-го; проекты Сперанского вселяют надежды. Но не до реформ – по Европе ходит Бонапарт.

Наполеоновские войны. Кровь лучших пролита на землю Аустерлица и Бородина. А после победы – тайные общества, в которых быстро берут верх радикалы, они всегда берут верх в тайных обществах, они самые "крутые". И опять десятилетия ожиданий и административного произвола. Наконец – великие реформы Александра.

Напомню, их было четыре. И все – исторические. 19 февраля 1861 года – освобождение крестьян. 1864 год – реформа местной административной власти, создание земств. Школьная реформа. Теперь бы сказали, что власть уделяла внимание социально-культурному развитию страны. Судебная реформа – введен суд присяжных. В 1874 году – военная реформа. Отменена рекрутчина. Введена всеобщая воинская повинность для мужского населения Российской империи. Трудно переоценить значение этой реформы для демократизации общества и развития страны.

Начала развиваться промышленность. Строились железные дороги. Росли как грибы акционерные компании и страховые общества.

Укреплялись Российские банки. В конце века русская промышленность и финансовые круги стали достаточно сильными, чтобы хотеть защитить свои интересы политически. Начал расти зерновой экспорт, наметились явные сдвиги в сельском хозяйстве после реформ Столыпина, направленных на ликвидацию общины как экономического механизма.

Но когда мы говорим об этом расцвете конца XIX – начала XX века, мы ни на минуту не можем забыть трагический результат социальных противоборств, завершившийся большевистским переворотом, кровавой многолетней гражданской войной, дальнейшим террором, созданием тоталитарного общества и семьюдесятью пятью годами последующего социалистического эксперимента. Сегодня история России, философские, идейно-нравственные наработки наших предшественников встали в центр политического, идейного противостояния.

Одни пытаются понять прошлое, чтобы понять настоящее, другие стремятся манипулировать обществом, гальванизируя старые идеи и старые аргументы об особом русском пути, панславянстве, особой исторической миссии и геополитической роли России.

Сорок лет великих александровских реформ создали основу для перехода России в новый век и в новую мировую роль. Почему страна сорвалась? Некоторые вполне серьезно утверждают, что на русской почве любые реформы обречены, и тоже апеллируют к истории, к тем же фактам и тем же событиям. Насколько неизбежен был срыв в революцию в начале двадцатого века? Об истории трудно говорить в сослагательном наклонении – что было бы, если... Трудно моделировать прошлое. И все-таки я думаю, что катастрофа революции и гражданской войны не была неизбежной.

Говорят, у победы много отцов, а у поражения один – солдат. Так и здесь. Винят уже российский народ. Не думаю, что это правильно.

У российских невзгод двадцатого века были свои авторы. Все это требует долгого и кропотливого разбирательства, однако очевидно неправы и те, кто во всем винил императора Николая и высший класс, и те, кто во всех бедах видел происки евреев и германского генштаба. К сожалению, общество было давно и трагически расколото, и во всех противоборствующих лагерях, как и теперь, было очень много радикалов и очень мало людей конструктивных, людей для созидательной работы.

Чрезмерно непримиримо и воинственно держались даже люди, называвшие себя либералами. Цепь трагических ошибок совершала государственная власть, разрушительно действовали радикальные социалисты (большевики, меньшевики, эсеры). Общество оказалось дезориентированным, а радикальные социалисты во главе с Лениным были готовы на все, в том числе и на насилие, и на убийство, и на массовый террор, и на захват власти. Собственно, это не было неожиданностью – десятилетия российское общество жило под нравственным прессингом социалистических идей и романтизации насилия. Легализация людей, открыто и публично презиравших законы и общественную мораль, присвоивших себе право судить и убивать, – она была нравственной основой будущего

переворота. Именно это объясняет, почему общество с ужасом не отшатнулось на следующий день после того, как подул Октябрь ветрами – уже при "социализме". Горький в "Несвоевременных мыслях", Зинаида Гиппиус в "Петербургских дневниках" хорошо показали прежде всего эрозию общественной нравственности, страшный рост вседозволенности, из которой и выросло чудовище тоталитаризма.

Н. А. Бердяев замечал: "При полной распущенности личности разрушается и хозяйство. Революции неблагоприятны для хозяйства. [...] Все опыты социальных революций уничтожают свободу лица в хозяйственной жизни"¹.

Интеллигенция и особенно литературный авангард несет свою долю исторической вины, как несет ее автор "Левого марша".

Но сейчас речь о другом. Понять прошлое, чтобы неизбежные новые ошибки не делать по старым рецептам тщеславия, амбиций, групповщины, безответственной хлесткой фразы.

Интеллигенция, "культурное общество" расколото, находится в глубоком кризисе идей и целей. Одни больны социализмом, другие, переболев, уходят в поиски религиозных и иных духовных сущностей. Корни кризиса в том отсроченном, не принятом обществом историческом решении. В стрессе, во внутреннем стрессе, сопутствующем выбору. От нерешенности ключевых вопросов бытия, над которыми и в голову не придет мучиться обывателям в других странах. Не то в России. Пограничность, непроясненность: Восток или Запад? Европа или Азия? В чем задача России? Двухсотлетний спор славянофилов и западников, консерваторов и радикалов не кончился. Он и не может кончиться, потому что на все эти вопросы нет и не может быть последних ответов. Русская философия начала века пыталась эти ответы найти.

Бердяев с тоской писал, что "духовная жизнь человека попала в рабство к жизни материальной". С. Н. Булгаков создал целую религиозную "философию хозяйства".

Надо сказать, он считал, что социализм в такой же мере требует аскетического регулирования жизни, как и частная собственность, что "плен души у богатства и собственности равно опасен". Он разрабатывал понимание хозяйства как явления духовной жизни, как "творчества, дающего основание свободе".

Сегодня этими подходами интересуются теоретики новейшего менеджмента.

Я думаю, что сегодняшнее неустройство в нашем обществе, глубокая пропасть между разными позициями, которые могут занимать люди одной социальной страты, отражает не столько борьбу социальных интересов, экономических или философских

---

¹ Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Письмо двенадцатое. О Хозяйстве. Париж: YMCA-Press, 1990. С. 549–550.

принципов, сколько никогда не прекращавшееся нравственное противостояние разных путей человеческой самореализации на земле.

Социалистические опыты показали, что экспериментаторы готовы платить ЛЮБУЮ цену за само право их проводить (успеха не было ни в России, ни в Кампучии). Добро и зло, аскетическое или потребительски-ненасытное отношение к хозяйственному процессу, стяжательство и жадность, нищета и духовное богатство, чувство греха и вины, – эти понятия из категории вечных, и о них, надеюсь, всегда будут думать россияне.

Моральные проблемы особенно мучают общество, когда оно находится не в высшей точке своего морального здоровья. Есть ложные ценности, за расставание с которыми дорого приходится платить. Бердяев видел тупиковость идеологии равенства: "Не неравенство создает нужду, а нужда создает неравенство как спасительное приспособление, как выход, предотвращающий хозяйственное и культурное понижение и гибель. [...] Неравенство есть условие всякого творческого процесса, всякой созидательной инициативы..."²

Экономика и экономизм, в том числе так ненавистный многим монетаризм, не претендуют на решение мучительнейших философских и моральных проблем. Они как результат нашего развития, как наследие и расплата стояли и будут стоять перед обществом.

Но я убежден, что только построенное на честных, нелицемерных основаниях общество, следующее разумному закону и уважающее закон, даст надежду и на исправление нравов. Это задача двуединая – мы не сможем стабилизировать общество, не стабилизировав экономику. А это не произойдет, если не стабилизируется человек в доброжелательном отношении к чужой (не моей) собственности, к чужой жизни и достоинству. В смутные, переходные времена нет недостатка в мрачных прогнозах и страшных прорицаниях. Их было много в начале века, много и в конце. Но было бы ни с чем не сообразно, ни с теорией, ни с практикой, если бы семьдесят пять лет большевистского эксперимента принесли другой результат.

То что мы имеем – мы имеем благодаря этому режиму. Эту экономику и эту экологию, и это население с нынешним уровнем культуры, нравственности и правового сознания. Откровенно говоря, могло бы быть и хуже.

Забавно, что сейчас коммунисты выступают в роли критиков, будто только вчера прилетели с другой (процветающей) планеты.

---

² Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Письмо двенадцатое. О Хозяйстве. Париж: YMCA-Press, 1990. С. 536–537.

Думаю, что в основе российской катастрофы 1917 года и гражданской войны не реформы и не ошибки в их проведении, а Первая мировая война и ее гигантская деструктивная роль для России. Мне возразят – отчего же не сорвалась Германия? Отвечу – сорвалась в гитлеровский фашизм. Отчего не сорвались другие европейские страны? Ответ на этот вопрос не может быть простым и коротким... Я для себя объясняю это так.

Россия, в силу многих и сложных причин, – страна догоняющего типа развития, догоняющей экономики. Мы догоняем Европу, догоняем Запад. Впрочем, как заметил П. Б. Струве, внутренние таможенные пошлины в России были отменены еще императрицей Елизаветой, на сорок лет раньше, чем это сделал французский революционный конвент. В эпоху французской революции в России уже господствовал принцип свободы промышленности, что удивляло иностранцев.

И все-таки Россия догоняла. В этом нет ничего уникального и обидного – и Япония догоняла, и Германия догоняла, и Италия до сих пор еще не вышла из своих коррупционных проблем, и Франция только после деголевских реформ последние двадцать лет стала на путь социального партнерства, не чреватого взрывом развития. Строительство сложнейшего здания современной экономики, создание гражданского общества, пронизанного сложнейшей системой связей и ответственностей, – дело долгое и трудное. И в Европе классический капитализм был ужасен в начале девятнадцатого века – вспомним Диккенса. Строительство общества – это история партнерства и борьбы. Борьбы по правилам и не на уничтожение, иначе погибнет все общество, потому что ни один слой или класс общества не может быть из него без последствий изъят, как думали моралисты XVIII и социалисты начала девятнадцатого века, да и даже отец современного либерализма Джон Милль, одно время считавший допустимым поголовное уничтожение людей с доходом больше 500 фунтов в год.

И все-таки, несмотря на все войны и катаклизмы в Европе, современная цивилизация стала возможной потому, что на протяжении десяти веков люди жили в ней оседло, за дедами – внуки, не было переселений народов и степных завоеваний, а была длинная-предлинная традиция передачи состояний, поместий, наделов, укоренения прав земельной собственности, возникновение наследственной земельной собственности, подкрепление его многовековой традицией... Европа – это место обитания оседлых людей. Из их трудов вырос тот неиссякаемый поток инноваций, больших и маленьких нововведений, создавших основу цивилизации, обеспечивший Европе гигантский даже в мировом масштабе всплеск материальной и духовной культуры со второй половины нашего тысячелетия. Эту культурную почву Европы ощущаешь физически, как материальный факт, прогуливаясь по какому-нибудь германскому или английскому

университетскому городку. Эту почву не сдирали бульдозерами, ее не переворачивали дерном вниз... Ее на корзинах носили из поколения в поколение.

Удивительно, что Владимир Ульянов, десятилетия проживший в Европе, прошедший долгие часы академических занятий в волшебном читальном зале Британского музея, ничего не впитал из этой атмосферы, напротив, стал непримиримым врагом этой цивилизации и этой культуры. При этом в России он ощущал себя европейцем. Я думаю, что он не верил в русский народ. Радикализм от неверия в правильность естественного хода событий, тем более, если тебе лично он обещает более чем скромную роль.

Ведь российский коммунизм – это последовательная и агрессивная форма реакции на рост рыночной цивилизации в мире. В некотором смысле – это наш ответ Европе, это отчаянная попытка пройти индустриальную фазу через сверхнапряжение общества и создание сверхгосударства. Империя не пала в семнадцатом году – перед угрозой стать республикой она преобразовалась в сверхимперию, сжав в едином кулаке все ресурсы и все воли страны.

В этом смысле большевизм – это социальные эксперименты, но не радикальные реформы. Реформы, по моему убеждению, – это вообще некие системы действий, направленные на увеличение свободы человека, как вектор всемирной истории. Напротив, революционные реформы в социалистической упаковке ведут к порабощению людей и общества, к его феодализации. Упрощение общества, сведение всех стимулов к страху и всех политических механизмов к деспотии. Унификация общества и уменьшение человеческой свободы при непомерном росте чиновничьих амбиций от имени государства.

Борьба государства с обществом временно закончилась победой государства, но такая победа, к счастью, никогда не бывает полной и окончательной. Общество и его естественная, частная, потаенная жизнь (например, семья) всегда находит для себя даже под толстым слоем льда какую-то свою неподвластную диктату полынью, свежий и чистый ключ, иначе тоталитарный режим был бы последним и высшим достижением социального развития.

Но такой путь дает иногда кратковременные дивиденды. За счет полного обнищания и разорения народа, крестьянства в первую очередь, удалось создать пояс городов-заводов, запустить огнедышащий конвейер вооружений, который и сейчас пожирает силы и соки общества.

Рывок по нехоженным путям истории дивиденды давал недолго. Потерявшая силы, сложную многообразную социальную структуру, страна быстро устала. Послесталинская эпоха была последним героическим этапом нового общества. Хрущев попытался

подстегнуть страну энтузиазмом нового поколения, вместо страха предложив романтику неосвоенных дорог и пионерского порыва. Пионеры пятидесятых-шестидесятых годов действительно сделали очень многое.

Ведь Россия – новая страна, НОВЫЙ СВЕТ, гораздо более новый, чем Америка, пятьсот лет мечом и крестом, осваиваемая европейцами.

Южная – вотчина Испании и Португалии, северная – объект британской и вообще североευропейской колонизации. Россия свой Новый Свет, свою ЕВРАЗИЮ осваивала и осваивает до сих пор практически одна. В этом смысле Россия – TERRA INCOGNITA. Не столько история, сколько география. Россия – это новая планета с огромными возможностями для предприимчивого человека, и она еще скажет свое слово в 3-м тысячелетии. В Европе – толстый культурный слой; а у нас "не тронуты" ни плугом, ни топором пространства. У нас важнейшими политическими и геостратегическими факторами всегда были климат, бездорожье, тайга и тундра. Достойны восхищения тот могучий дух, такая, по выражению Л. Н. Гумилева, пассионарность, которые вели русских первопроходцев на север и на восток, через всю Сибирь и Камчатку, которые перехлестнули даже через океан – в Америку.

Но в стране не было свободного и мобильного населения, да и технологический уровень той поры был недостаточен для строительства цивилизации в Сибири и на русском Севере.

В 70-е годы прошлого века была допущена, на мой взгляд, стратегическая ошибка. Россия двинула свой цивилизационный потенциал на юг, в Туркестан, вместо того чтобы сосредоточиться на освоении Сибири и тихоокеанского Приморья. А на экспансию во все стороны сил, конечно, не хватило. Вместе с Туркестаном Россия приобрела сложнейшие центразиатские проблемы и трудносовместимую культуру... Большевики усугубили прежние ошибки; в результате республики советской Средней Азии требовали все больше и больше из союзного бюджета (читай – за счет России). Потребовали и воду сибирских рек, а вместе с водой – астрономические централизованные инвестиции. Тревожные демографические тенденции, быстрорастущее население, хищное своекорыстие местных элит делало ситуацию тупиковой, даже в среднесрочной перспективе.

Страна молода. Новосибирску сто лет, Владивостоку чуть больше.

Десятки и сотни крупнейших городов Сибири и Дальнего Востока насчитывают по пятьдесят-тридцать лет.

Транссибирская железная дорога начала нашего века стала памятником героической эпохе освоения.

Тоталитарное государство положило начало Воркуте и Комсомольску, Норильску и Братску насилием и лагерями, чудовищной эксплуатации человеческого и природного потенциала. Но уже не была в состоянии справиться с глобальной исторической задачей – построить цивилизацию на этой гигантской части земного шара. Это способны сделать только свободные люди и свободная страна, живущая в мировом сообществе. Только новое поколение на новой основе вдохнет жизнь в наш тихоокеанский берег, создаст там новую инвестиционную, индустриальную, информационную жизненную среду, введет Россию в тихоокеанский клуб XXI века.

Поколение пятидесятих-шестидесятих годов создало атомную и космическую промышленность, построило и основу сырьевого комплекса Сибири и Дальнего Востока, освоило целину. Но предыдущее поколение брали страхом и принуждением, нынешнее – обманом. Страна не стала богаче, а жизнь людей в тысячах новостроек полнее и лучше. Разоренное село тяжелым грузом легло на плечи государству. Миллионы тонн зерна мы стали покупать ежегодно.

К началу шестидесятих годов стало ясно, что потенциал пути государственной плановой экономики как способа роста и мотора в соревновании систем подходит к концу. Мы с каждым годом, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее и неотвратимее, начали отставать. Тридцать лет разговоров о соединении достижений научно-технической революции с практикой ничего не дали. В шестидесятые, семидесятые годы база нашей экономики принципиально не отличалась от базы других развитых стран. Но они провели, пусть болезненно, структурную перестройку хозяйства, перевооружили ведущие отрасли, вывели многие энергоемкие и материалоемкие предприятия в другие страны – а мы продолжали накачивать прохудившиеся колеса государственной экономики. С каждым годом под аккомпанемент разговоров о науке, которая "становится непосредственной производительной силой", увеличивалось отставание и зависимость от мира, противником и могильщиком которого мы себя самонадеянно провозгласили.

К началу девяностых годов решительные реформы стали насущно необходимыми. Тогда еще их можно было провести в гораздо более благоприятных общественных и экономических условиях. Но КПСС была неспособна провести реформы, уничтожившие ее власть и влияние в обществе, – в этом смысл тогдашнего вязкого политического безвременья. Верховный Совет СССР был не способен одобрить реформы, означавшие начало экономического, а не политического сотрудничества республик, уничтожившие основу Союза ССР. Слишком много было (и остается) партнеров, не заинтересованных в экономическом, то есть эквивалентном обмене, а заинтересованных в прямом дотировании со стороны России, паразитировании на ней.

Понадобилось провозглашение 12 июня 1990 года Российского суверенитета, 12 июня 1991 года – выборов первого президента России, понадобилась победа над ГКЧПистами, смятение и разброд в стране тогда еще всесильной власти, чтобы президент Ельцин и его команда могли начать реформы. Понадобилось начало самостоятельного существования Российской Федерации. Только тогда реформы стали возможными, но отнюдь не гарантированными. Слишком большие интересы задеты, слишком много богатых и влиятельных людей, не заинтересованных в выходе страны на нормальный путь развития.

Мы – сторонники минимального государства и максимальной самостоятельности хозяйствующих субъектов. Рынок для нас, разумеется, никогда не был самоцелью, и панацеей мы его не считаем. Есть множество стран с рыночной и совершенно жалкой экономикой. Процветание в этом мире скорее исключение, чем правило. Наша цель – сформировать высокоэффективную, динамично развивающуюся, работающую на человека российскую экономику. А все остальное – это средства, которые удачно или неудачно используются для достижения этой цели.

Когда мы пришли в конце 1991 года, самое большое потрясение, которое я испытал, было от внезапного понимания отсутствия какого бы то ни было управления ведущими отраслями, всей экономикой. Было ощущение, что самолет летит, а экипаж тихонько выпрыгнул на парашютах... Предстоял не только полет и мягкая посадка, предстоял резкий переход в совершенно иное измерение – к строительству нового государства, к строительству России (ведь российские структуры никогда не управляли своей экономикой, это делали за них "союзные органы"). Нужно было начинать Строить Россию, страну, у которой не было ни границ, ни армии, ни таможи, ни Внешэкономбанка, ни четкого и определенного понятия гражданства, ни системы внешнеэкономического регулирования...

И тогда, в 1992, и теперь, в 1994, требуют государственной помощи отраслям, предприятиям, угрожают лавинообразным ростом банкротств и "непредставимыми социальными последствиями". Мы дрогнули в середине 1992 года, не выдержали колоссального политического давления, попытались сгладить остроту кризиса, сделать процесс более мягким за счет умеренной накачки денег в экономику, за счет управляемой высокой инфляции. Этот путь очень опасный, и прежде всего тем, что к высокой инфляции и даровым деньгам, к помощи, как сидению на игле, привыкает экономика, привыкают предприятия, они не напрягают все свои резервы для выздоровления, они все еще надеются на целительную силу государства. Но государство, если оно не мошенник, должно наконец признать, что у него нет этих целительных лекарств, кроме одного –

создания благоприятной для экономики законодательной базы, снижения налогов, удешевления кредитов, а это возможно только при низкой инфляции. Инфляционный налог – самый безжалостный и несправедливый, он в первую очередь обирает бедных и средних, он оставляет нищим народ. На фоне инфляции денег происходит инфляция права и морали, правоприменения и долга. Наступает распад государства и анархия в обществе. Набирают силу лжецы и социальные демагоги, которые не приведут никуда, кроме как к бойне и диктатуре, к рабству для народа и всесилию – для себя. Инфляция – наш самый заклятый враг, потому что при высокой инфляции, какими бы теориями и отсылками к зарубежному опыту не прикрывались, – при высокой инфляции у России нет будущего. Невозможна структурная перестройка экономики, монстры промышленности так и не смогут превратиться в эффективные современные предприятия, они никогда не найдут ни внешних инвесторов, ни собственных средств для технического перевооружения, не будет вложений в высокие технологии и долговременные проекты.

Мы требуем такого государства, которое сможет остановить, привести в рамки этот процесс, мы за то, чтобы миллиарды не уходили из страны, а шли в ее экономику, работали на ее могущество и процветание. Мы за минимальное государство, за сокращение его прерогатив и, самое главное, распределительных функций. Государство – это чиновники, бюрократы. Распределяют (квоты, льготы, кредиты, лицензии) они. Коррупцию ничем не укротишь, если не сократишь принципиально владычество чиновника над экономическим процессом. Рынок отнюдь не идеальная форма организации экономики, а всего лишь наилучшая, наиболее реалистичная. Если у чиновника есть возможность брать взятки, он будет их брать. Если есть за что их давать, их будут давать.

У государства останется очень много важных задач: обеспечение законности и порядка, стабильности финансовой системы, безопасности граждан и страны, забота о культурном наследии и фундаментальной науке, о больных и престарелых, о детях, оставшихся без кормильцев, об образовании будущих поколений, о благоприятной для жизни людей и биологически полноценной среде обитания, сложнейшие обязанности, вытекающие из членства в мировом сообществе государств.

Здесь возникает проблема регионализации политики, вокруг которой много ненужных спекуляций и политической возни.

В нашем представлении здесь все должно быть предельно ясно: центр, федеральные власти (московские чиновники) должны оставить за собой лишь те функции, которые абсолютно необходимы для целостности и безопасности государства российского: оборона, законодательство и принцип правоприменения, расследование

преступлений государственной (федеральной) важности, вопросы государственной безопасности (которые требуется основательно обсудить в обществе, избегая их расширительного толкования), финансы, таможня, ясные и недвусмысленные принципы внешнеэкономической деятельности, исчерпывающие списки объектов государственного контроля.

Все остальное должны получить регионы, субъекты федерации. Только самостоятельность и экономическое творчество регионов, предпринимателей, политиков, ученых в регионах создадут основу российского экономического и культурного подъема.

Здесь нет никакой альтернативы, никакой, с нашей точки зрения, темы для дискуссии: историческая логика развития России, логика демократизации общества требует и региональной самостоятельности. Важно только, чтобы эта самостоятельность не понималась как самовластность местных чиновников взамен московских. А ведь так и происходит – местные губернаторы, рядящиеся в демократов Угрюм-Бурчеевы разгоняют народное представительство, подгоняют под себя избирательные законы (благо рябовский закон о выборах дает им такую возможность), преследуют местные демократические газеты, надевают намордник на региональное телевидение... Тому множество примеров – Вологда, Волгоград, Уфа...

Региональная самостоятельность – это самостоятельность всех хозяйствующих субъектов, юридических и физических, это самостоятельность предприятий и граждан.

Допускаю, что в переходный период к новой российской демократии именно для защиты этих конституционных прав людей и предприятий в регионах еще не раз понадобится применять власть центру против региональных же чиновников.

***

Реформы в России сегодня в опасности, как в опасности будущее нашей страны. Решения, принимающиеся сегодня, будут влиять на судьбы мира долгие годы, если не столетия.

Сейчас мы в точке исторического выбора. Сейчас распределяются будущие мировые роли. Водораздел ляжет между теми, кто попадет в цивилизацию XXI века, цивилизацию III-го тысячелетия в качестве динамично развивающихся рыночных экономик, и теми, кто окажется безнадежно отброшенным в слаборазвитость, нестабильность, непрерывные внутренние и пограничные междоусобицы, в африканизацию, в мировые аутсайдеры.

Есть страны, которые сумеют преодолеть эту страшную пропасть, эту невероятной трудности задачу. Одни – потому что у них есть культурная традиция связи с европейской цивилизацией, с цивилизацией, ориентированной на демократию и частную собственность, потому что у них есть высокий культурный уровень, другие – потому что у них есть психологическая крепость в борьбе с испытаниями и высокая степень согласия гражданского общества, внутренняя способность генерировать инновации, обеспеченная либо традицией, либо высоким уровнем образования.

Ключевой вопрос будущего России – где мы окажемся. Вопрос стоит с предельной остротой: сможем ли мы напрячь все ответственные культурные силы, создать предпосылки растущей снизу на базе инноваций собственности культурной экономической среды и добиться социально-психологической стабилизации общества, а затем и его культурного расцвета (когда общество поймет, что не оказалось на обочине истории, что достаточно ответило на вызов времени, что не осталось очередной раз с вершинами, когда надо – с корешками), либо... мы не сумеем решить этих задач. Альтернативу предлагают коммуно-нацисты: еще раз попытаться догнать мир прыжком на базе тотального насилия и отработанной модели ГУЛАГа. Но уже без прежних ресурсов, без уверенности в том, что это и есть магистральный путь к успеху, без овладевшей массами всеобъемлющей идеологии, на основе отработанной технологии страха и лжи.

Я убежден, что это прямой путь к скорой национальной катастрофе, в лучшем случае – к колониальному режиму и слаборазвитости. Здесь для России нет будущего.

Печально, что многие люди, искренне считающие себя патриотами России, этого не понимают. Вековой спор между патриотами-западниками и почвенниками-славянофилами должен разрешиться созданием достойной российской цивилизации. Это путь долгий, а на этом пути будут колебания, когда то одна, то другая ветвь национальных реконструкторов будет превалировать. Но для этого нужно договориться о главном, о том, что все мы верим в могучие творческие силы России.

Если у России есть будущее – оно в создании условий для естественного развития.

Накануне третьего тысячелетия христианской цивилизации общество России решает фундаментальный, ключевой вопрос своего будущего, решает на фоне крайне неблагоприятных социальных проблем, демографического спада, затяжного экологического кризиса, на фоне разочарованного общества, потерявшего в трагических катаклизмах XX века лучшую часть своего генетического потенциала.

Общество, которое на этапе позднего социализма уже поняло, что этот путь не ведет никуда, еще абсолютно не готово признать, что путь в цивилизацию требует от него долгого труда и глубокой внутренней дисциплины.

Неудачные экспедиции часто кончаются трагедиями именно на этапе возвращения – из-за усталости и разочарования, в одном переходе от базового лагеря...

Еще раз повторюсь: мы в точке исторического выбора. Но выбирать исторический путь сознательно, как цивилизованное общество, или неосознанно, как толпа, может только народ. Выборы 12 декабря показали, как то, что значительная часть населения не готова к принятию на себя исторической ответственности (меня глубоко задевает то, что почти пятьдесят процентов граждан вообще не сочли для себя обязательным принять участие в историческом выборе), так и то, что немалая часть людей сделала свой политический выбор по мотивам многообразным, сложным, но прямо с делегированием политической воли не связанным.

В обществе, построенном не по тоталитарной модели (когда власть давит сверху на все, что под ней), а по демократической, когда различные силы и интересы влияют на принятие важных решений, в том числе и законов, и бюджета, чрезвычайно важна социальная опора, основа реформ.

Такой основой может быть только "средний класс", в наших реальностях – предприниматели, городские и сельские, и прежде всего не "центровые", а в бесчисленных российских малых городах, где мало еще что сдвинулось от того свинцового устройства жизни, образованные люди, квалифицированные и уважающие себя рабочие, особенно на жизнеспособных акционированных предприятиях, многочисленные держатели акций, ученые, люди культуры и искусства, ставящие превыше государственной кормушки творческую свободу и связанную с этим негарантированность дохода.

А организовать, свести политику и "средний класс", стать эффективным инструментом конкуренции за голоса избирателей и проведения поддержанной ими политики и должна партия, которую мы сегодня создаем.

***

Нормальных политических партий в России не было после победы большевиков в гражданской войне.

В условиях социалистического государства коммунистическая партия, конечно, не являлась никакой партией в цивилизованном смысле этого слова. В условиях тоталитарного режима правящая партия – это стержень всей властной структуры, это

механизм социализации и жесткого социального контроля за подбором кандидатов во все виды элит, это структура, членство в которой необходимо для любого социального продвижения. В этом смысле большевики действительно создали "партию нового типа", прежде неведомую другим развитым обществам.

Для одних членство в КПСС было шансом всерьез продвинуться в эшелоны власти, для других – абсолютно необходимым условием профессиональной деятельности. Иногда это была цена, которую надо заплатить, чтобы тебя оставили в покое. Словом, членство в партии требовало следования определенным и обязательным ритуалам, демонстрирующим политическую лояльность и надежность. На раннем этапе членство в партии профессиональных революционеров, давая шанс на продвижение в структуре, вместе с тем влекло за собой немалый политический риск. На позднем этапе риск уже был минимальным, а "беспартийность" строго изолировала человека от реального участия в политике в процессе принятия ЗНАЧИМЫХ решений – политических, экономических, идеологических. Впрочем, участие рядовых членов партии тоже исключалось. В такой ситуации сама политическая машина становится средоточием политической борьбы – борьба и согласование различных экономических и политических интересов и конфликтов ведется и реализуется через партийный аппарат. Партийная машина группирует эти интересы, структурирует их, служит инструментом для проведения в жизнь. Сельский отдел ЦК КПСС лоббировал интересы аграрных влиятельных сил, промышленный – промышленных, оборонный – военно-промышленного комплекса и т.д. Это была и система, контролирующая поведение в соответствующих отраслях и регионах, и вместе с тем представляющая их интересы. КПСС была тем котлом, в котором варилась политика. Это одна из причин, по которой в России лозунг люстрации (полного отстранения от политической жизни всех бывших членов КПСС) нереалистичен и неправилен. Здесь, в отличие от стран Восточной Европы, где режим существовал тридцать пять-сорок лет и был привнесен на штыках внешней силы, сама интенсивность вовлеченности партии в общество и общества в партию была существенно иная, чем, скажем, в Чехии...

На позднем этапе вялого социализма, когда разномыслие в партии, во всяком случае без открытого выражения позиций, перестало быть опасным, и партия оказалась вмещалищем самых различных взглядов. Коммунистическая партия конца 80-х годов – партия, в которой можно было встретить людей практически всего спектра возможных убеждений, от последовательных либералов до законченных фашистов. Впрочем, либералы в ходе метаморфоз 1989–91 годов из нее ушли. Это лишило ее исторической возможности эволюционировать в сторону "нормальной" социал-демократии и обрекло на политическую маргинальность. Она освободилась от большей части своей склеротической

элиты, сбросила ярмо старой номенклатуры и постепенно становится, сохраняя федеральную (и, кажется, даже в масштабах бывшего союза) структуру и значительную часть профессиональных оргкадров, политической силой, стремящейся дистанцироваться от исторической ответственности за все то, что она сотворила. На совести В. Зорькина и Конституционного суда решение лета 1993 года о "нормальности коммунистической партии", давшее легальную основу дальнейшему нагнетанию политической обстановки в стране и росту политических притязаний. На первые заседания конституционного суда представители этой партии шли отнюдь не с таким победоносным видом, каким выходили оттуда после окончания бездарно проведенного процесса.

Конечно, очень бы хотелось надеяться, что коммунистическая партия будет эволюционировать в сторону "нормальной" социал-демократии, с которой можно будет цивилизованно соревноваться, опасаясь, что их приход к власти может привести к новым налогам и новой стагнации, но не к новым репрессиям и отстрелу политических соперников.

Если бы удалось перевести острое политическое противостояние у нас в традиционную для западного общества дискуссию о том, что лучше – дорогое государство с высокой степенью социальной защиты и высокими налогами, как считают социал-демократы, или более дешевое государство, меньшая степень защищенности "общественных фондов потребления", меньше, попросту говоря, социализма – и меньше налогов, то я бы считал, что будущее демократии в России достаточно устойчиво.

Беда в том, что у нас коммунистическая партия отнюдь не отказалась от прошлого, от неуважения к закону, к Конституции, от внепарламентских методов борьбы – вплоть до вооруженного восстания. От принципов, заложенных еще в первый устав, от "осадного положения" внутри партии, от борьбы с разномыслием в собственных рядах. Эти принципы полного презрения к праву и обществу даже не ленинские, они были сформулированы еще Г. В. Плехановым, они имманентно присущи коммунизму как ультралиберализму в политике. Принцип "*Salus populi suprema lex*" ("благо народа – высший закон"), понимаемый как "нравственно то, что служит делу революции", а по сути дела – нравственно то, чего требуем и что делаем мы. От этих принципов на исходе жизни отказался Плеханов, но от них не отказалась коммунистическая партия, что наглядно показывают и их последние политические действия, включая отказ подписать договор об общественном согласии. Это по-прежнему коммунистическая партия, не имеющая монополии на власть, но не отказавшаяся от своих основных привычек, от намерения придти к власти любыми способами, в том числе через дестабилизацию положения.

Партия, живущая по принципу – "чем хуже – тем лучше". Партия вооруженного восстания.

В России все еще нет нормальных политических партий и нет нормальной политической жизни. Некоторые считают, что и гражданского общества у нас нет. С этим я не согласен. Общество у нас есть, хотя и исковерканное синдромом "длительного сдавливания" тоталитаризмом.

У нас еще только должен возникнуть естественный политический ландшафт, настоящие партии, созданные на основе всеми признанных законов и Конституции.

Создаваемая нами партия подчеркивает свою приверженность Конституции и Демократии как универсальным и высшим ценностям и условиям существования. Мы считаем себя историческими приемниками российского либерализма и конституционализма со всем их опытом побед и горьких провалов.

***

Партия нужна нам для того, чтобы противостоять вакханалии и разнузданности, коррупции, разворовыванию страны. Честные и достойные люди должны организоваться, несмотря на всю свою нелюбовь к партиям для того, чтобы защитить свою честь, достоинство и будущее. Нам нужна партия, чтобы победить на выборах, чтобы в будущий парламент пришли нормальные и сведущие люди, чтобы заложить основу расцвета России в будущем веке.

Партия нужна нам для того, чтобы защитить демократические начинания, демократическую печать, свободу слова и достоинство личности. Защитить завоеванный плацдарм свободы, когда наступает самодовольный реванш всевластной посредственности. В нашей стране почти не было свободы. Мы жили и умирали несвободными. У нас не было ни свободы верить в Бога и говорить об этом без опасения за собственных детей, ни свободы зарабатывать деньги и строить себе дом по своему вкусу и разумению, ни свободы выбирать себе занятия и место жительства, не говоря уже о стране жительства. Государство было нашим монопольным работодателем, и горе тому, кому оно отказывало в своей милости!

У нас и сегодня еще немного свободы. О какой свободе речь, когда месяцами не платят зарплату, когда душат налоги, когда некуда переехать, потому что невозможно ни продать старую квартиру, ни купить новую, когда нет никаких перспектив честно заработать себе на жилье и на достойную старость. Когда нет устойчивых законов, права

собственности не гарантированы, а вчерашние указы и постановления, выданные квоты и разрешения завтра становятся пустым клочком бумаги.

Но рынок не конец пути, а только самое начало постоянной борьбы за свободу как высшую ценность, за торжество закона. До сих пор у нас только дискуссии были о том, что хорошо бы ввести права личности ввиду международного недоумения нашими порядками.

Но права личности нужно защищать всюду и каждый день. Наша партия считает это своей первейшей задачей.

Конечно, у нас всех идиосинкрания на партии. Мы не хотим ни партсобраний, ни партийной дисциплины. И первая мысль при создании демократических организаций – у нас все будет иначе. Там была структура жесткая – у нас будет мягкая, без фиксированного членства, без обязанностей и отчетности. Никакого насилия над партийными массами, никакой дисциплины, никакого манипулирования. Наши организации будут широко открытыми для всех, а решения наших съездов будут носить чисто рекомендательный характер... И вот с такими подходами мы выходим в реальный мир.

После проб и ошибок, занявших последние пять лет, мы начали понимать, что история политических организаций в других странах тоже заслуживает внимания. Что тамошние политические партии – результат длительной социальной эволюции. Политическая организация без фиксированного членства может быть и симпатична, спору нет; но придут туда пять провокаторов, приведут двадцать своих боевиков и проведут – вполне демократически – любые решения.

Опыт последних лет показывает, что и в России на фоне стоящих перед демократическим обществом задач нужно переходить от движений к партиям с ясной структурой и фиксированным членством, как это принято во всем мире.

Тут очень жесткая дилемма: либо мы способны организовать эффективную политическую деятельность, защитить ростки новой России, убедить общество в том, что предлагаемый нами путь развития наиболее полезен для страны, либо мы отдадим ситуацию в руки тех, кто неминуемо столкнет страну на обочину истории. Отсюда вырастающее из попыток, успехов и поражений осознание необходимости создать не тоталитарную, но сильную, регулярную и эффективную политическую организацию, где есть работающая структура, где принятые накануне решения не забываются, а реализуются, где у членов есть чувство ответственности и самодисциплины, а у функционеров – надежда на продвижение. Организация, которая способна предложить обществу ИДЕЙНУЮ ПЛАТФОРМУ, философско-социальную позицию и конкретную

программу, готовая отвечать всей своей репутацией и своим положением в обществе за деятельность своих лидеров и активистов. Если нет реальной партийной организации, нет и партийной структуры, нет функционеров – нет "партийной элиты", к членству в которой естественно стремиться тем, кто все свои силы отдает работе в партии.

Это еще и способ социального контроля, ведь партия, придя к власти, будет расставлять своих людей в аппарате управления. Нынешний разгул коррупции характерен такой бесконтрольностью, когда не боятся ни прокурора, ни парткома. Это очень удобно для бюрократов, они ни от кого не зависимы.

Наша задача – новых людей, новых политиков, новых претендентов на государственные должности сделать зависимыми от общества.

Политика – это и способ распределения ключевых ролей – и в центре, и в губерниях. Это долгая кропотливая работа над новыми политическими целями, а цели у партии всегда – следующие выборы. Наша задача – создать организацию, способную довести наши идеи до конкретных социальных групп – рабочих на приватизированных предприятиях, преподавателей, студентов, молодых научных работников, офицеров, предпринимателей и крестьян. Мало этого, связь должна быть двухсторонняя, через местные организации мы должны понять и узнать региональные проблемы и найти наш специфический способ их решения в соответствии с нашими взглядами; аналитические центры партии и ее издания будут в режиме постоянного диалога с обществом формулировать и выработать нашу позицию по всем существенным для общества вопросам.

Нужно сказать, что в тех странах, где удалось в последние десятилетия создать устойчивую социальную базу нормального рыночного развития, проблема партийной идентификации решалась на основе одной простой, но фундаментальной договоренности: когда спорят между своими, не зовут чужих.

Скажем, либерально-демократическая партия Японии, последние сорок лет стоявшая у руля в этой стране, – это конгломерат многих и сложных политических структур с серьезными внутренними разногласиями, конкуренцией за лидерство разных групп и идейных платформ, с фракциями и фракционной борьбой, но с одним принципиальным условием: сохранение единства перед внешними и чуждыми политическими силами.

Примерно так же устроена германская ХДС/ХСС. Широкая свобода для внутренних дискуссий, борьба за лидерство и главенство, но монолитная политическая сила перед лицом внешних вызовов.

В нашей политической жизни принято другое: любой, кого сегодня не поддержали, завтра же хлопает дверью и объявляет о создании пусть маленькой, но своей партии.

Наша партия будет ставить правовое сознание вообще и конституционное – в особенности, в основу своей политической платформы. Свобода неотделима от права, от долга, от суверенитета внутренней жизни личности.

Сегодня важно договориться о главном: мы создаем широкую демократическую конституционную партию, которая даст возможность людям, отстаивающим в ПРИНЦИПЕ один путь для выхода России из социалистического тупика, вести между собой дискуссии о стратегии и тактике, способах политической жизни и персоналиях, снимать разногласия. И не бежать немедленно за поддержкой, не блокироваться, не голосовать вместе с политическими антагонистами.

И помнить все уроки политической истории России двадцатого века, давние и недавние. И постараться, чтобы конец тысячелетия страна прожила спокойно. Она этого заслужила. И поднялась к новой жизни и новой мировой роли в первом веке третьего тысячелетия. Фундамент той неведомой еще страны закладывается сегодняшней каждодневной работой.

П. Б. Струве, один из идейных отцов российского либерального консерватизма, писал: "трагедия русской истории и русского крестьянства состоит в том, что предмет всегдашних вожеланий крестьянина – земля – никогда не обращалась и до сих пор не обратилась для него в подлинную и крепкую собственность..."

Нашим лозунгом должны быть два слова, поставленные рядом, объединенные единым смыслом, рожденные от единого корня: отечество и собственность.

И сегодня актуальны слова, сказанные семьдесят лет назад: "В России нужно не восстанавливать собственность – это задача была бы относительно проста и легка. Нужно создавать собственность, создавать ее как прочное настроение и устремление народных масс... Нам нужен крестьянин-собственник. И он будет крестьянином-патриотом. Ибо таков глубочайший, в самом корне вещей заложенный смысл слова "патриот". Быть патриотом – значит любить свое Отечество как собственность, любить так, как земледелец любит свою отчину..."³

Социалистические, распределительные идеи больше ста лет были доминирующей социальной философией в России. Просто так, в одночасье, от них не отказаться ни обществу, ни культуре, ни людям. Нам еще предстоит изживать социализм мучительно и долго. Проблема в том, что вместо него будет поставлено в основу духа страны?

---

³ П. Б. Струве. Отечество и собственность. Цит по Русская философия собственности ХУІІІ-ХХ. СПб., 1993, С. 268.

Ценности свободы, прогресса, демократии, созидательного патриотизма – или национализм и фашизм, этот наследник социализма, приходящий после разочарования в нем.

Общество просыпается после социализма слабым и неустойчивым, оно подвержено инфекциям и трудно переносит напряжения. Для улучшения социального климата в обществе необходимо восстановить экономический рост, но на пути к этому масса препятствий. Возможности политического маневра очень узки. Социальная поддержка незначительна, и правительство ищет союзников. От общества, его политических элит зависит – получит ли страна на ряд решающих лет ответственную и последовательную экономическую политику или попадет в длинную и безрадостную полосу конфликтов и катаклизмов.

Выбор за нами.